

Салихова И.С. Неявное непередаваемое знание как фактор актуализации отечественной системы образования [Электронный ресурс] // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования: Научный интернет-журнал. 2014. – № 1(17). Режим доступа http://iea.gostinfo.ru/files/2014_01/2014_01_02.pdf

УДК 001.93:37

НЕЯВНОЕ НЕПЕРЕДАВАЕМОЕ ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Салихова И.С., доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита НОУ ВПО «Московский университет имени С.Ю. Витте», кандидат экономических наук, г. Москва

В предлагаемой статье рассматриваются ключевые аспекты развития системы неявного, прежде всего, корпоративного знания как критического фактора расширенного воспроизводства продуктовых инноваций и повышения уровня конкурентоспособности современного предприятия. Предлагаются конкретные направления деятельности различных субъектов хозяйствования по обеспечению ускоренного развития системы неявного знания, представляющего собой единство ментальных, ценностно-смысловых, социальных и других релевантных форм в рамках интеллектуального капитала современной корпорации. Обосновывается вывод о необходимости превращения научно-образовательного сектора национального хозяйства в ведущую отрасль экономики, а учебных заведений – в центры воспроизводства неявных знаний и ключевых компетенций.

Ключевые слова: экономика знаний; неявные знания; социально-экономический генотип; ментальные модели; ценности и смыслы деятельности; когнитивная плазма; рентоориентированное поведение; развивающий обмен-общение; система образования; инновационные университеты.

UDC 001.93:37

IMPLICIT TRANSFERABLE KNOWLEDGE AS A FACTOR OF THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM UPDATE

Salikhova I.S., assistant professor of accounting and auditing NOU VPO «Moscow University S.Y. Witte», PhD in Economics, Moscow

The article discusses key aspects of the implicit system, primarily corporate knowledge as a critical factor of expanded reproduction product innovation and improve the competitiveness of the modern enterprise. Proposes specific activities of different entities to ensure the accelerated development of tacit knowledge, which is a mental, values and meanings, social and other relevant forms of intel-

lectual capital within the modern corporation. The conclusion about the necessity of transformation of scientific and educational sectors of the economy in the leading sectors of the domestic economy, and education – in centers for the reproduction of tacit knowledge.

Keywords: economy of knowledge; tacit knowledge; socio-economic genotype; mental models; values and meanings of activity; rent-oriented behavior; developing exchange communication system of education; innovative universities.

Замедление темпов социально-экономического развития нашей страны, как объективное следствие исчерпанности потенциала восстановительного роста, а также приверженности губительно «заманчивому» ресурсному сценарию хозяйствования объективно требует ускоренной разработки неотложных мер по реальному повороту отечественной экономики в сторону не только масштабных, но и радикальных инноваций. При этом, как показывает практика, одних лишь финансово-экономических инструментов явно недостаточно, если они не будут восприняты, именно в инновационном ключе, системой неявных знаний, представленных, прежде всего, принципиально новой институциональной системой, релевантными ментальными моделями и ценностными смыслами, качественно новыми инновационными интенциями экономических агентов всех уровней.

Отсюда *цель статьи* заключается в том, чтобы очертить примерный круг наиболее срочных задач, решение которых обеспечит ускоренное развитие экономики неявных знаний как глубинной основы всей хозяйственной деятельности. Достижение цели предполагает решение следующих логико-гносеологических задач: *во-первых*, предстоит кратко обозначить методологическую основу исследования экономики знаний в целом и экономику неявных знаний, в частности; *во-вторых*, следует охарактеризовать специфику и динамику условий и факторов, определяющих ключевые императивы развития экономики неявных знаний, представляющих собой социально-экономический генотип предприятия; *в-третьих*, необходимо разработать систему мер, обеспечивающих расширенное воспроизводство неявных знаний в рамках современной корпорации.

Методология исследования современной экономики знаний включает следующие ключевые положения. *Во-первых*, следует исходить из некорректности тезиса о том, что в современных условиях осуществляется «переход к экономике, основанной на знаниях», о чем так часто говорят и пишут современные исследователи. В данной статье автор априори исходит из положения, что любая экономика во все времена основывалась на знаниях; вопрос лишь в том, в какой форме эти знания преимущественно выступали, и какова была скорость их накопления и изменения. В аграрный и индустриальный период скорость обновления знаний была невысокой, и поэтому складывалось ощущение, что экономика была «продуктовой», а не «знаниевой». В современных условиях, когда скорость обновления знаний многократно возрастает, происходит не переход к экономике, основанной на знаниях, а просто воспроизводство знаний становится самостоятельным, бурно развивающимся сектором экономики.

Во-вторых, следует исходить из множественности форм экономического знания при их определенной иерархичности и взаимной обусловленности. Имеет место движение от неявного знания к явному знанию и от него – к овеществленному, или продуктовому, как это показано на рисунке 1. При этом *неявное знание* – это знание, которое не может быть легко передано другим субъектам. Термин был предложен Майклом Полани [20], который писал о процессе, а не о форме знания, и его термин был использован для обозначения вида знания, которое полностью или частично не эксплицированы, то есть, не формализованы. Неявные знания часто включают навыки, умения, ментальные модели и культуру, присущие нам, но не осознаваемые нами. Один из наиболее известных афоризмов М. Полани: «Мы можем знать больше, чем способны рассказать». Он отмечал, что неявное знание не артикулировано в языке и воплощено в телесных навыках, схемах восприятия, практическом мастерстве.

Современная экономическая наука преимущественно оперирует с объективированным (продуктовым) и явным знанием; в меньшей степени иссле-

дуются и используются условия и факторы развития неявного знания и, особенно, неявного непередаваемого знания, которое метафорично автором названо как «когнитивная плазма». Дело в том, что именно на этом уровне общей пирамиды знания обнаруживается высокая «температура кипения» всех входящих факторов, являющихся «ингредиентами» будущих новых знаний. Этот уровень «когнитивной плазмы» практически не рассматривается в современной литературе; исключения составляют отнюдь не многочисленные исследования [см.: 3, 5, 20 и др.].

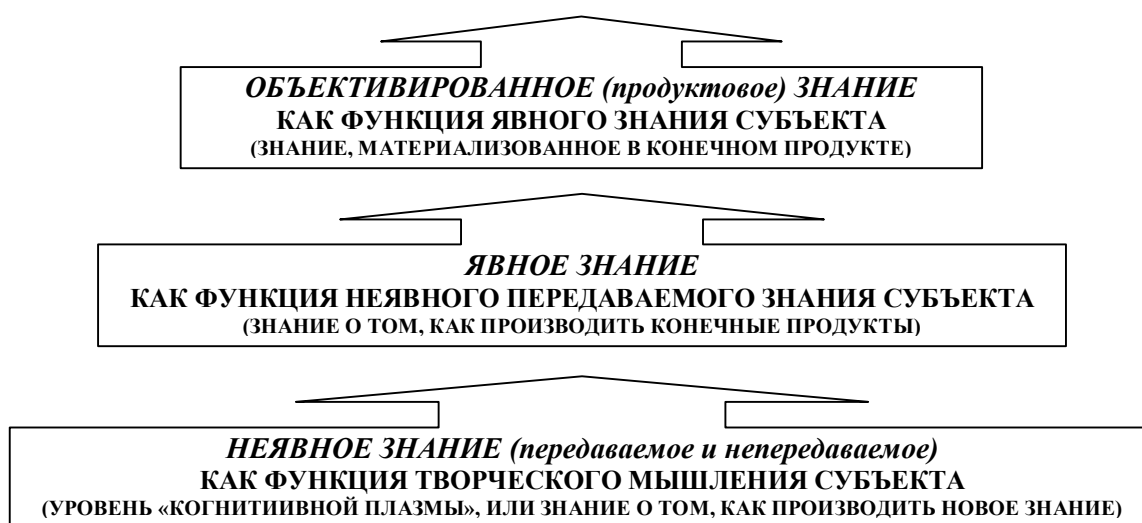

Рис. 1. Иерархия форм экономического знания

В-третьих, глубинным основанием авторской аксиоматики исследования предстает анализ *неявного непередаваемого знания*, которое предстает как специфический результат познания в форме интегральных творчески-трудовых компетенций, выступающий в качестве «сплава» ментальной модели, ценностных ориентиров, смысловых конструктов, мотивов деятельности и интересов субъекта, а также ранее приобретенных знаний и практического опыта. Из приведенного определения следует, что качество неявного непередаваемого знания определяется далеко не только содержанием, например, учебно-образовательных программ подготовки специалистов, но и качеством ментальных установок, воплощенных ценностей и смыслов, психических процессов и свойств конкретного субъекта деятельности. Именно эти скрытые переменные (так называемые «плазменные гены», воспитанные и врож-

денные инстинкты и др.) как «сгустки» неявного непередаваемого знания, имеются в виду исследователями современных экономико-психологических проблем [см 19 и др.].

Началом «эпохи» ключевой роли в экономике неявного знания условно можно считать 2 октября 2002 года, когда Нобелевский комитет присудил премию в области экономики двум выдающимся ученым: Д. Канеману и В. Смиту. Примечательно то, что эту премию получили не ученые-экономисты, а, соответственно, психолог и экономист-экспериментатор. Этот факт явился официальным признанием того, что в рамках экономической дисциплины оформилась *поведенческая экономика* как область экономики, которая изучает влияние социальных, когнитивных и эмоциональных факторов на принятие экономических решений отдельными лицами и учреждениями. Нобелевская премия по экономике, врученная представителю психологической науки, «подтверждает принципиальный курс мирового научного сообщества на интеграцию исследовательских программ различных наук о человеке» [1]. Некоторые детерминанты формирования и содержания неявного непередаваемого знания показаны на рисунке 2.

В-четвертых, аксиоматика исследования связана с новым видением как такового явления «интеллектуального» в экономике в целом, и, в частности, новой концепцией интеллектуального капитала. Традиционные представления о сущности и хорошо известной «триединой» структуре интеллектуального капитала субъекта, включающего человеческий, организационный и клиентский капитал [23], уступают место более интегрированному подходу, связанному с «ноосферным» определением *интеллектуального капитала*, представляющего собой систему созидательных, гуманистически нацеленных знаний и компетенций субъекта [см.: 8, 22 и др.]. Наиболее целостно духовно-нравственный концепт явления «интеллектуального» и, следовательно, интеллектуального капитала изложен в ряде работ современных исследователей. При этом «ноосферное» качество интеллектуального капитала связано с четкой фиксацией

того, что в экономике все в большей степени должны использоваться воспроизводимые экономические ресурсы. Идеальный тип «ноосферного» производства, или интеллектуальной экономики, есть способ или форма хозяйствования, основанная исключительно на воспроизводимых факторах производства.

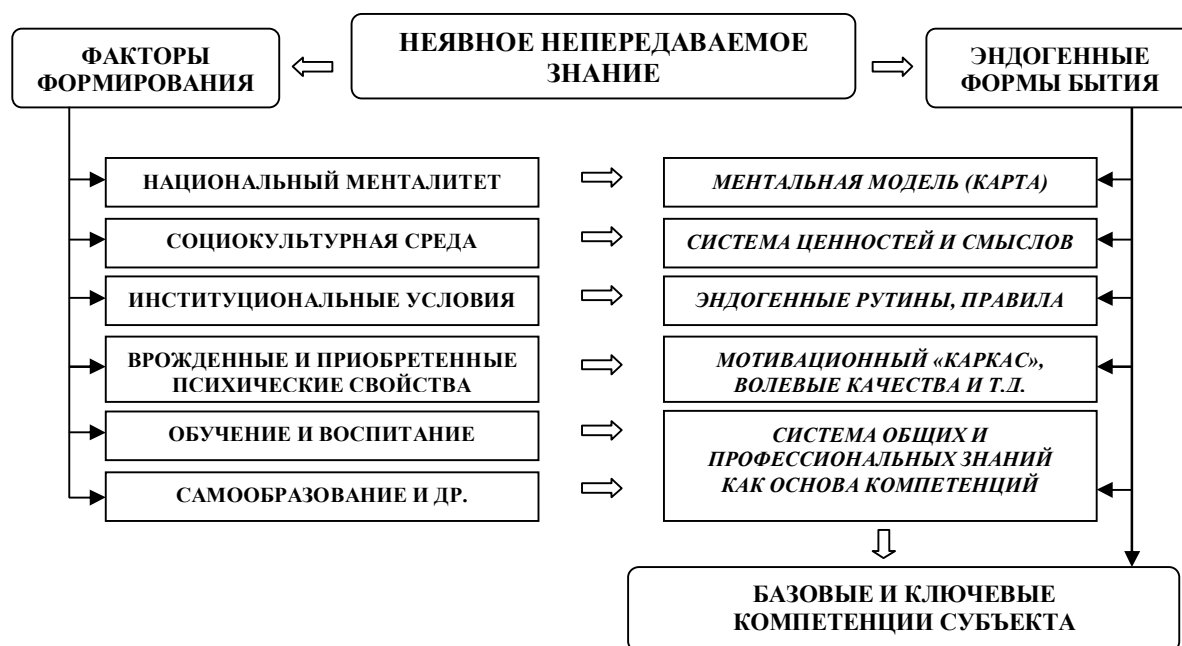

Рис. 2. Факторы формирования и элементы содержания неявного непередаваемого знания

В-пятых, аксиоматика авторского исследования проблем развития экономики знаний «фокусируется» на методологии системной парадигмы, сущность которой заключается в междисциплинарности общего исследовательского концепта и в актуализации невещественных факторов создания добавленной стоимости. Основоположником системной парадигмы как методологической инновации является Янош Корнаи [11]. Среди отечественных исследователей данный исследовательский поток возглавляют, прежде всего, ученые ЦЭМИ РАН: академик В.Л. Макаров и член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер [см.: 9, 16 и др.]. Исследовательская ценность методологии системной парадигмы заключается в актуализации роли неявного знания как ос-

новы такой ключевой компетенции, как способность к самостоятельному, непрерывному, масштабному и расширенному воспроизводству новых знаний.

Исходя из отмеченных выше суждений, гипотезой данной статьи является предположение о критической роли системы неявного знания в современной отечественной экономике и необходимости ускоренного качественного обновления данной системы. Другим словами, необходимо доказать, что в современных условиях именно система неявного знания является базовым «аттрактором» и императивом созидательной экономической динамики. Для доказательства используем методологию уже названной системной парадигмы, в соответствии с которой интеллектуальный капитал субъекта, например, современной корпорации, декомпозиционно выглядит так, как показано на рисунке 3.

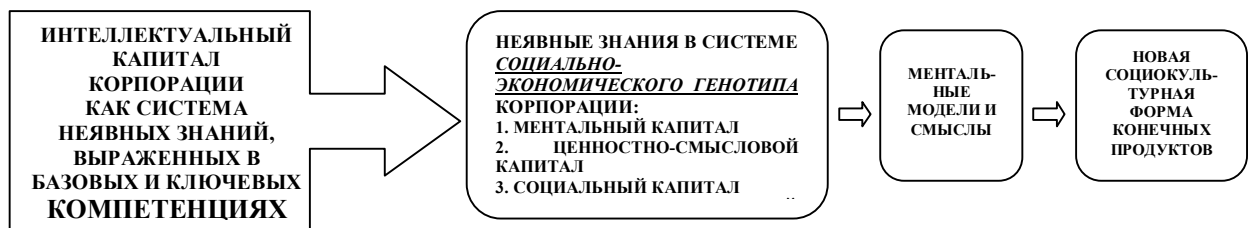

Рис. 3. Когнитивная декомпозиция корпоративного интеллектуального капитала

Таким образом, доказательство гипотезы непосредственно увязывается с обоснованием предположения о том, что созидательное качество конечных продуктовых инноваций *критически определяется новым качеством неявных знаний, прежде всего, в системе социально-экономического генотипа*. Термин «социально-экономический генотип» введен в научный оборот В.Л. Макаровым и Г.Б. Клейнером [16]. Здесь, по сути, речь идет о системе неявного непередаваемого знания, определяющего отнюдь не технические параметры продукта, а его социокультурную ценность, способствующую всестороннему развитию личности потребителя. Качественное преобразование социально-экономического генотипа обеспечит и новое

качество интеллектуального капитала корпорации как «сгустка» созидательных компетенций.

Доказательство гипотезы непосредственно увязывается с системой «трех провалов» в современной экономике, что и является онтологией системного кризиса. На рисунке 4 показано общее содержание данного кризиса и, главное, фиксируется «провал общества» с деградацией ментальных и ценностно-смысловых основ его функционирования. При этом провал общества проявляется в провалах ментальных и смысловых конструкторов экономических агентов. Очевидно, что продолжающийся системный кризис актуализирует новые исследовательские подходы к анализу складывающейся социально-экономической динамики.

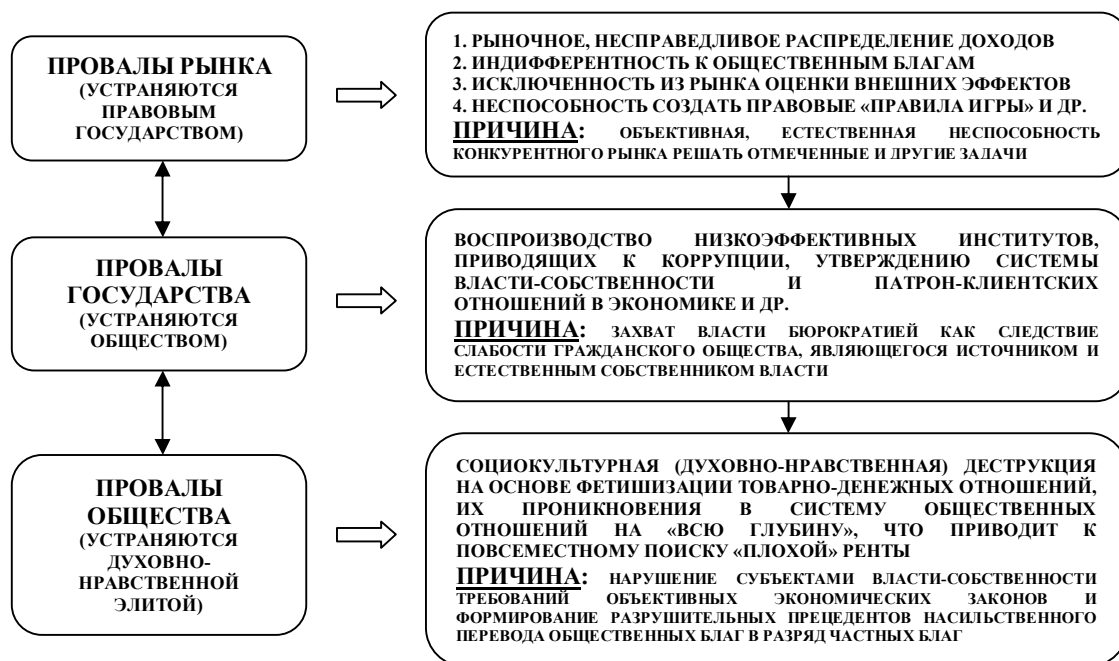

Рис. 4. Система «трех провалов» и потребность в качественном обновлении социально-экономического гено типа интеллектуального капитала субъекта

Действующая парадигма «нормальной науки» (по Т. Куну [12]), которая характеризуется методологическим индивидуализмом в своем «жестком ядре», едва ли может, как и раньше, претендовать на былую универсальность. Проблема уже не в том, что вслед за известными провалами рынка, стали воспроизводиться провалы государства, связанные с хроническим отставанием институциональных систем от скорости и требований качества хо-

зайственных взаимодействий. Проблема в том, методология современной неоклассики стала «невольным» теоретическим «аргументом» в пользу масштабного и повсеместного рентоориентированного поведения экономических агентов.

Феномен рентоориентированного поведения и одноименного присвоения, принимающий очертания национального бедствия, свидетельствует уже о социокультурном, ценностно-смысловом *провале самого общества и цивилизации в целом*, теряющих ориентиры прогрессивного, именно интеллектуального развития. При этом масштабный поиск «плохой» ренты становится привычным делом, формирующим так называемый рентоориентированный менталитет не только у отдельных экономических агентов, но и целых социальных групп российской нации [17].

Доказательством социокультурной деградации общества и, следовательно, системы неявного непередаваемого знания микрокорпоративных сообществ, является набирающая «обороты» тенденция формирования *рентоориентированного менталитета как естественного «атрибута» рентоориентированного общества*. При этом важно отметить системный характер, масштабность и всеобщность «поиска» ренты в современном обществе, где господствует отнюдь не шумпетерианская, то есть заработанная на инновациях, а именно «плохая», то есть не творчески-трудова рента. При этом рента определяется как «возможный избыточный доход сверх минимального, необходимого для стимулирования агента осуществлять действия, заданные принципалом» [13]. Основными формами «плохой» ренты являются монопольная, природная, политическая, административная и переходная рента [см.: 4, 13 и др.].

При этом формирование системы власти-собственности конституирует рентоориентированное поведение в масштабе всего общества. Причем дело даже доходит до «неформального «общественного договора» между населением и элитами, который может быть сформулирован примерно следующим образом. Население не вмешивается в дела элит, а последние делятся с насе-

лением частью финальной ренты, что обеспечивает постоянный рост среднего уровня жизни. При этом не принимается в расчет, что этот рост не сопровождается повышением качества экономики, в частности, повышением производительности труда» [13]. Рентоориентированное поведение закономерно становится привычным, приобретает *экзистенциальные черты*, то есть проникает в сферу ментальных моделей и ценностных ориентиров. Здесь весьма показательны, как минимум, два примера.

Первый пример характеризует такую «приземленную» форму рентоориентированного поведения и одноименного менталитета, как коррупция. *Доходы только от деловой коррупции в нашей стране более чем в два раза превосходят доходы от экспорта углеводородов* (при этом объемы бытовой коррупции не менее впечатляющи). Именно это дает «основание ... назвать коррупцию основной отраслью российской экономики» [14], которая объективно нацеливает людей не зарабатывать творчески-трудовой доход, а получать именно рентный доход. Сегодня в нашей стране развивается так называемая *эндемическая* коррупция, то есть «коррупция из эпизодического отклонения от моральных и юридических правил превращается в несущую конструкцию власти, норму взаимоотношений граждан и государства» [14].

Отсюда и второй пример, показывающий стремление нашей молодежи к присвоению «плохой» ренты, поскольку «российская молодежь связывает шансы на личный успех не с производственной деятельностью и предпринимательством в традиционном смысле слова, а с близостью к государству и другим каналам борьбы за ренту». В таблице 1 показаны «творчески-трудовые» интенции нашей сегодняшней молодежи в возрасте от 18 до 26 лет [17].

«Работодатель мечты» для российской молодежи

Организация	Доля в %
Газпром	22
Администрация президента	12
МВД	11
Роснефть	10
Сбербанк	10
Лукойл	9
РЖД	7
Газпромбанк	7
Итого	88

Таков интегральный результат деструкции системы неявного непередаваемого знания в общей системе интеллектуального капитала субъекта. Как видно, мало сегодня желающих посвящать свою жизнь занятию наукой, осваивать профессии инженеров и строителей и т.д. Напротив, наблюдается устойчивая тенденция к ментальной, ценностно-смысловой, социальной и институциональной деструкции. Качественное изменение сложившейся ситуации «потребует в будущем колоссальных усилий, направленных на демонтаж социетальной архитектуры рентоориентированного общества» [13]. При этом преодоление системной коррупции в нашей стране «станет возможным только при условии ликвидации монопольного всевластного положения бюрократии. Это означает необходимость восстановления в России политической конкуренции, разделения властей и свободы негосударственного сектора – предпринимательства, СМИ, общественных организаций» [14].

Другими словами, устранить существующие и вполне естественные для экономической неоклассики провалы рынка и государства становится едва ли возможным, если не устранить ценностно-смысловые, или социокультурные провалы общества. А здесь, как известно, требуется отнюдь не просто «сдвиг парадигмы», а решительная «перезагрузка ценностей» [25]. В основе этой перезагрузки должны находиться духовно-нравственные императивы хозяй-

ственной деятельности, детерминирующие господство справедливых, доверительных и гуманистически направленных социально-экономических взаимодействий [см, например: 6, 15, 18 и др.]. Сегодня все больше подтверждений тому, что *лечить нужно не экономику; лечить нужно цивилизацию.*

Теперь, применительно к интеллектуальному капиталу корпорации или интеллектуальному капиталу любого другого экономического субъекта, можно обоснованно утверждать, что качественное обновление социально-экономического генотипа, как эндогенной основы «когнитивной плазмы», требует новых подходов и невероятных исследовательских усилий в сфере формирования и развития инновационного экономического менталитета и созидательных смыслов. Другими словами, исходным и *базовым императивом развития интеллектуального капитала субъекта* является создание новой модели, прежде всего, менталитета и системы ценностей при одновременном прогрессивном развитии системы доверия и новых институтов.

Таким образом, можно считать доказанной гипотезу о том, что именно система неявного знания является «когнитивным аттрактором» основных инвестиционных, управленческих и иных усилий, направленных на возрождение отечественной экономики. На фоне требуемого духовно-нравственного (ментального, ценностно-смыслового, социального) обновления нашего общества, что непосредственно связано с воспроизводством системы неявного непередаваемого знания, качественное обновление неявного передаваемого знания, непосредственно связанного с освоением К-волны и И-волны шестого технологического уклада, требует срочного проведения следующих системных мероприятий, показанных на рисунке 5. При этом важно отметить, что данный перечень отнюдь не исчерпывает всего объема уже существующих разработок и научно-практических рекомендаций, а лишь отражает попытку дать систематизированный взгляд на проблему [см.: 7, 21 и др.].

Ключевым аспектом отмеченных мероприятий, является то, что ценностно-смысловые усилия («психические интенсивности» по К.Г. Юнгу [24]), инвестиционные программы, монетарные и фискальные инструменты, орга-

низационные и институциональные механизмы следует нацелить на ускоренное развитие «когнитивной плазмы», или неявных знаний. Именно в этом контексте в заключение следует сделать ряд обобщающих умозаключений, характеризующих императивы развития современной экономики, прежде всего, неявных знаний.

Во-первых, базовым императивом развития современной экономики знаний является качественное обновление системы неявных непередаваемых знаний, представляющих собой *социально-экономический генотип* хозяйственного агента. Это требует последовательной деятельности по устранению системы «трех провалов», где основным является провал общества в форме ценностно-смысловой, духовно-нравственной деструкции. Можно обоснованно утверждать, что экономика ближайшего будущего будет духовно-нравственной, то есть интеллектуальной и гуманистической, или вообще не будет никакой экономики.

Рис. 5. Система мер, необходимых для качественного обновления системы неявных знаний

В связи с этим мировой и отечественной экономике следует «освоить» не только, названные ранее, К-волну и И-волну, но еще и духовно-нравственную форму социокультурной волны (назовем ее Д-волной). Резонно подчеркнуть, что названные три волны вполне корреспондируют друг другу: К-волна обеспечивает технологический прогресс; И-волна обеспечивает высокую скорость всех форм человеческих взаимодействий; Д-волна формирует созидательный вектор, гуманистическую направленность социально-экономического развития. Эти три названные волны вполне могут стать фундаментом для формируемой *интеллектуальной цивилизации*. Теперь постиндустриальный этап развития человеческого общества получает, наконец, свое наименование.

Во-вторых, следует актуализировать поиск форм и методов расширенного воспроизводства неявного передаваемого знания, обеспечивающего, в конечном счете, создание инновационных продуктов. В условиях «бизнеса со скоростью мысли» воспроизводство собственных неявных передаваемых знаний становится делом самих экономических агентов, которые объективно трансформируются в *самообучающиеся структуры*. В данном случае императивом является повсеместность и самостоятельность воспроизводства ключевых компетенций как критического фактора и условия повышения уровня экономической устойчивости субъекта.

В-третьих, важнейшим императивом развития экономики знаний является система форм и методов их непосредственного производства и распространения. Здесь необходимо всесторонне совершенствовать систему, одновременно, рыночных и нерыночных обменов. В рамках рыночных обменов следует предусмотреть адекватные механизмы, реализующие требования эффективного контракта, обеспечивающего стимулы для непрерывного творчества собственников интеллектуальных капиталов. В рамках нерыночных обменов важно формировать механизмы внутрифирменного и межфирменного, личного и институционального доверия, способствующего перманентному уменьшению коэффициента транзакционного трения, что ускорит про-

дуктивность всех форм дискурса, призванного обеспечить развивающий обмен-общение. При этом, как отмечают исследователи, в современных условиях именно нерыночные обмены, а обмены деятельностью и «креативными энергиями» играют всевозрастающую роль.

В-четвертых, императивом критической значимости является превращение отечественной системы науки и образования в *основную отрасль экономики* со всеми вытекающими отсюда идеологическими, ценностно-смысловыми, инвестиционными, институциональными и другими последствиями. Здесь ключевыми представляются следующие положения. Первое, не следует более различать «учебу» и «работу»; речь идет о едином процессе формирования и развития творчески-трудовых компетенций у всех собственников интеллектуального капитала. Второе, концепция так называемого непрерывного образования и образования «на всю жизнь» должна быть дополнена концепцией опережающего образования и образованием «через всю жизнь». Третье, современные университеты должны превращаться в научно-образовательные и, одновременно, технологически-производственные центры, демонстрирующие единство науки, образования, бизнеса, государства и общества. Четвертое, качество современного образования должно характеризоваться актуализацией новых направлений, междисциплинарностью, личной экологичностью, сетевизацией и виртуализацией форм, технологизацией, ориентацией на лучшие рыночные и нерыночные паттерны и др. Пятое, необходимо планомерное, но ускоренное движение университетов от традиционных вузов – к инновационным университетам.

Список использованных источников

1. Белянин А. Даниел Канеман и Вернон Смит: Экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. – 2003. – № 1.
2. Белянова Е., Николаенко С. Воздействие коррупции на развитие бизнеса: эмпирическая оценка // Вопросы экономики. – 2013. – № 9.
3. Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2006.
4. Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. – 2010. – № 11.
5. Дресвянников В.А. Построение системы управления знаниями на предприятии. – М.: КНОРУС, 2008.
6. Духовно-нравственная онтология современного социально-экономического развития: Монография. – М.: Издательство «Кнорус», 2011.
7. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. – М.: ИНФРА-М, 2010.
8. Казьмин А.К. Теория интеллекта: Как выбрать президента. – М.: ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс», 2001.
9. Клейнер Г.Б. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. – 2011. – № 1.
10. Клепач А., Куранов Г. О циклических волнах в развитии экономики США и России // Вопросы экономики. – 2013. – № 11.
11. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – № 4.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ МОСКВА, 2009.
13. Левин М., Сатаров Г. Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. – 2014. – № 1.
14. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 21.
15. Лунева Е.В. Социальный капитал как фактор инновационного развития предприятия: Монография. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2011.
16. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер; Отд. обществ. наук РАН, Центр. экон.-мат. ин-т. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.
17. Натхов Т., Полищук Л. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. – 2012. – № 10.
18. Нравственные основы современного социально-экономического развития: Монография. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009.
19. Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения – М.: ИНФРА-М, 2010.
20. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985.

21. Реальные тенденции создания и эффективного функционирования инновационных организаций в Российской Федерации: Монография / С.В. Казаков; под ред. В.Я. Позднякова. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013.

22. Салихов Б.В. Интеллектуальный капитал организации (сущность, структура и основы управления): Монография. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2009.

23. Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций. – М.: Поколение, 2007.

24. Юнг К.Г. Об энергетике души / Пер. с нем. В. Бакусева. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010.

25. Яшин А.Н. Сдвиг парадигмы или «перезагрузка» ценностей // Арктика: общество и экономика. – 2009.-№ 1.

© И.С. Салихова, 2014